

УДК 341

Возможности формирования международного сотрудничества в области защиты прав человека

Синяева Нателла Александровна

Кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
111033, Российская Федерация, Москва, ул. Волочаевская, 3/4;
e-mail: Sinnatal@hotmail.com

Аннотация

В XX в., в частности после окончания Второй мировой войны, бурное развитие получил институт ответственности физических лиц за нарушение норм международного права. Решения вооруженных конфликтов, нарушения законов, обычаев ведения войны и внедрение мероприятий, призванных уничтожить или ограничить права этнических или иных меньшинств, на протяжении длительного периода истории заставляли мировое сообщество принимать соответствующие меры противодействия и наказания. Знаменитый тезис приговора Нюрнбергского международного военного трибунала гласил: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными субъектами, и только через наказание физических лиц, совершивших такие преступления, можно обеспечивать соблюдение положений международного права». Следовательно, наряду с международно-правовой ответственностью государства за нарушение норм международного права, должна существовать еще одна – ответственность физического лица, поведение которого вызвало правонарушения. Роль международного права в процессе преследования лиц, совершивших международные преступления, трудно переоценить. Оно не только обеспечивает надлежащую квалификацию противоправного поведения индивида – носителя прерогатив государства, но и инициирует начало процесса преследования. Следовательно, использование средств международной юстиции не только способствует устранению отрицательных факторов в процессе преследования правонарушителя, но и формирует определенное поведение в международных отношениях, по сути – международный стандарт с соответствующими правовыми последствиями.

Для цитирования в научных исследованиях

Синяева Н.А. Возможности формирования международного сотрудничества в области защиты прав человека // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 5А. С. 219-226.

Ключевые слова

Физическое лицо, ответственность, положения права, международные условия, правонарушение.

Введение

Необходимость привлечения к ответственности физических лиц за развязывание вооруженных конфликтов обосновывала еще Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. Однако первая реальная попытка соответствующего прецедента имела место лишь после окончания Первой мировой войны. Она завершилась безрезультатно, и император Вильгельм II избежал наказания. Считаем, что препятствием для наказания было не только предоставление лицу убежища со стороны Нидерландов, но и несовершенство правовых моделей многих явлений международно-правового характера того периода. Прежде всего, это касается международно-правовой ответственности [Husak, 2014, 45].

Преступления, совершенные нацистами в период Второй мировой войны, не могли остаться без внимания мирового сообщества. Международные военные трибуналы в Нюрнберге и Токио заложили фундамент для преследования лиц за совершение преступлений особой категории и противодействия противоправному поведению индивидов, которые непосредственно посягали на нормы международного права. Такие преступления получили название «международные».

Возможность нарушения норм международного права противоправным поведением индивида также предусмотрена положениями проекта конвенции «Ответственность государств за международно-противоправное деяние», одобренной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83. В частности, Глава II проекта «Присвоение поведения государству» употребляет термин «поведение лица». Для установления факта выполнения прерогатив государства несущественно, совершало ли лицо действия, находясь в официальном статусе, определенном внутренним законодательством, выполняло делегированные функции и полномочия или переняло их вследствие отсутствия или неспособности официальной власти [Kaue, 2014, 390]. На самом деле, совершая международное преступление и посягая на нормы международного права, индивид в целом выполняет прерогативы государства – субъекта международного права, и его действия квалифицируются международным правом как поведение на международной арене. Следовательно, для совершения такого поведения личность должна обладать особыми полномочиями, которые выделяют ее из среды общеуголовных преступников. Специальный статус правонарушителя является первой особенностью правовой природы международного преступления как явления международного права.

Следующей особенностью правовой природы международного преступления является то, что криминализация деяния индивида преимущественно осуществляется после факта совершения правонарушения, поскольку трудно заранее предвидеть возможное нарушение норм международного права [Weigend, 2014, 290]. На процессе в Нюрнбергском международном военном трибунале возникла дискуссия относительно нарушения запрета обратной силы уголовного закона, которая характерна для внутреннего уголовного права.

В-третьих, совершая действия, посягающие на нормы международного права, индивид на самом деле осуществляет допустимое национальным законодательством на момент совершения поведение, поскольку ни один внутриправовой механизм не только не противодействует его совершению, но и не квалифицирует это поведение как противоправное. Это можно подтвердить отсутствием претензий со стороны государства к лицу через отсутствие криминализации явления в национальном законодательстве, бездействие в процессе создания препятствий для ее осуществления и т. п. При таких обстоятельствах само международное право выполняет функцию, связанную с квалификацией противоправного поведения государства и, как следствие, поведения индивида – носителя прерогатив государства [Pagallo, 2017].

Учитывая изложенное, стоит отметить, что правовая модель международного преступления существенно отличается от той, что присуща внутрикриминальным или частноправовым преступлениям. Поэтому преследование за совершение международных преступлений национальными правовыми средствами или неэффективно, или невозможно вообще.

Материалы и методы

Динамику формирования и развития института ответственности индивида за нарушение норм международного права следует анализировать, учитывая особенности процесса формирования соответствующих международных обязательств. После окончания Второй мировой войны к военным преступникам применяли юрисдикцию различных судебных органов, в частности военных судов держав-победительниц, судебных органов немецких оккупированных территорий. Для отдельной категории преступников сформировали Нюрнбергский международный военный трибунал с особой юрисдикцией. Отграничения международных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны, от других категорий преступлений делает акцент на особом характере международных обязательств государств, которые формировали глобальную систему международного мира и безопасности под эгидой ООН.

Положения Устава Нюрнбергского международного военного трибунала определяли противоправность определенного поведения и выдвигали обязательства государств по недопущению такого поведения подконтрольными субъектами и предупреждению его в целом. Эту позицию признало много стран мира, поскольку к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., которым утвержден Устав Нюрнбергского международного военного трибунала, в течение краткого периода времени присоединилось почти два десятка государств [Лебедева, 1975]. Нашла она свое закрепление также в ряде международных конвенций. Первой из них была Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. В частности, ст. 1 Конвенции определяет геноцид как «преступление, нарушающее нормы международного права» и обязывает государства «принимать меры по его предупреждению и карать за его совершение».

За любое нарушение норм международного права обычно наступает международно-правовая ответственность. Концепция преследования военных преступников Нюрнбергским международным военным трибуналом рассматривала уголовную ответственность физических лиц как составную часть международно-правовой ответственности государства, которое допустило такое поведение подконтрольных субъектов [Lee, 2014, 680]. Сочетание двух видов ответственности (уголовной ответственности для физических лиц и международно-правовой для государств) является особенностью, которая позволяет правильно понимать суть и содержание ответственности за совершение международных преступлений и ее международно-правовых последствий.

Считаем, что задача Нюрнбергского международного военного трибунала, кроме наказания военных преступников Второй мировой войны, состояла в развитии специфических правовых принципов, которые впоследствии способствовали созданию действенного международно-правового механизма привлечения к ответственности за совершение международных преступлений [Weigend, 2014, 287]. Ввиду переосмысления принципов коллективной безопасности непосредственно после окончания войны и отсутствия теоретических разработок по вопросам международно-правовой ответственности, судопроизводство в Нюрнбергском трибунале навело некоторых исследователей на ложные трактовки некоторых правовых

явлений. В частности, известным тезисом является нарушение запрета обратной силы уголовного закона [Garvey, 2015, 360]. Такой подход является слишком категоричным, учитывая современные концепции международно-правовой ответственности.

Преследование физических лиц за совершение международных преступлений возможно лишь после констатации факта нарушения норм международного права. Итак, уголовная ответственность индивидов является производным от международно-правовой ответственности государства [Donoso, 2015, 340]. В свою очередь, международно-правовая ответственность наступает лишь после квалификации правонарушения в соответствии с нормами международного права. Выдвижению претензий Германии в период 1942-1943 гг. препятствовало состояние войны, хотя правонарушения фиксировали во многих документах государств антигитлеровской коалиции и деятельности, созданной ими в 1942 г. Комиссии Объединенных Наций по вопросам военных преступлений.

Результаты и обсуждение

Международная практика конца XX в. наглядно подтвердила правоту нюрнбергской модели правосудия в деятельности международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

Образованию Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии предшествовала констатация правонарушений в решениях компетентных органов ООН. В частности, в резолюциях Совета Безопасности ООН 808 от 22 февраля 1993 г. [Учреждение Международного трибунала..., S/PV.3175, www] и 827 от 25 мая 1993 г. [Учреждение Международного трибунала..., S/PV.3217, www] речь шла об угрозе международному миру и безопасности и «серьезных нарушениях международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии». Сам перечень совершенных международных преступлений содержался в ст. 2-5 Устава трибунала [Blakesley, 1997, 200].

Международный трибунал по Руанде основали резолюцией Совета Безопасности ООН 955 от 8 ноября 1994 г. [Ситуация в отношении Руанды..., www]. Перечень международных преступлений зафиксирован в ст. 2-4 Устава трибунала.

Трибуналы в Нюрнберге, Токио, по бывшей Югославии и Руанде были судебными органами *ad hoc*. С целью упростить технические процедуры формирования международных трибуналов 17 июля 1998 г. приняли Римский статут Международного уголовного суда, который образовал постоянно действующий судебный орган для преследования лиц, совершивших международные преступления.

Изменения и усовершенствования коснулись также собственно системы международных преступлений. Если Нюрнбергский и Токийский трибуналы были сосредоточены на преступлениях против мира, человечности и военных преступлениях, трибуналы по бывшей Югославии и Руанде уже включали геноцид, а Римский статут Международного уголовного суда дополнительно кодифицировал еще преступление агрессии. Еще один состав международного преступления в дополнение к перечисленным предлагает проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятый Комиссией международного права ООН в 1996 г. – преступления против персонала ООН и связанного с ней персонала.

Международный уголовный суд пытается наказать отдельных лиц, а не государства. «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления,

могут быть соблюдены установления международного права», – пишет Нюрнбергский трибунал в 1946 г. Это мнение находит свое отражение в ст. 25 Римского статута [Zedner, 2014, 100]. Возможность Суда также осуществлять юрисдикцию в отношении юридических лиц, в дополнение к отдельным лицам, была серьезно рассмотрена на конференции в Риме [Schabas et al., 2014, 5]. В то время как все национальные правовые системы предусматривают индивидуальную уголовную ответственность, их подходы к корпоративной уголовной ответственности значительно различаются. Судом обосновывается принцип комплементарности: было бы несправедливо установить форму юрисдикции, которая будет фактически неприменима к тем государствам, которые не наказывают юридические лица в соответствии с уголовным законодательством. В ходе переговоров попытки охватить некоторую форму корпоративной ответственности достигли значительного прогресса. Но время было просто слишком коротким для делегатов, чтобы достичь консенсуса, и в конечном итоге от концепции пришлось отказаться.

Международный уголовный суд, как и его более ранние модели в Нюрнберге, Гааге и Аруше, ориентирован на главных преступников, ответственных за крупномасштабные злодеяния. Большая часть «клиентуры» не будет фактически виновна в совершении преступлений. Скорее всего, они будут «сообщниками», теми, кто организует, планирует и подстрекает геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Суд может подойти к этому вопросу двумя различными способами. Во-первых, можно рассмотреть вопрос о планировщиках и организаторах в качестве главных преступников.

Человек может нести ответственность за вклад в совершение преступления, подпадающего под юрисдикцию суда, в той мере, в какой оно соответствует цели содействия преступной деятельности или преступной цели группы, где такая деятельность или цель предполагают совершение преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда [Yankah, 2015, 470]. Судьи Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, вдохновленные этим положением в Римском статуте, разработали то, что стало известно, как теория «преступного сговора» ответственности. Кажется вполне естественным, что судьи Международного уголовного суда будут находиться под сильным влиянием этого закона в случае применения ст. 25 в рамках совместной преступной схемы предприятия, т. е. участник может быть признан виновным в преступлениях, совершенных другими лицами, если он мог их предвидеть как следствие преступного плана. Например, в августе 2001 г. лидер боснийских сербов генерал Радован Крстич был осужден в рамках совместной преступной деятельности «с целью совершения геноцида в отношении резни в Сребренице в июле 1995 г.» [Malekian, 2015, 570].

Заключение

В международно-правовых актах констатация факта правонарушения производится с помощью соответствующих международных органов, в частности Совета Безопасности ООН. Объем международно-правовой ответственности в случае совершения международных преступлений, наряду с другими ограничениями государственного суверенитета, может включать для государств международные обязательства относительно признания государствами-нарушительницами юрисдикции международной юстиции над собственными гражданами и передачу этих лиц для осуществления преследования соответствующими международными органами.

Библиография

1. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975. 240 с.
2. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/658/83/PDF/N0165883.pdf?OpenElement>
3. Ситуация в отношении Руанды. S/PV.3453. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3453>
4. Учреждение Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии. S/PV.3175. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3175>
5. Учреждение Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии. S/PV.3217. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3217>
6. Blakesley C.L. Atrocity and its prosecution: the ad hoc tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda // *The law of the war crimes*. London; Boston: Kluwer Law International, 1997. P. 189-228.
7. Donoso A. Commentaries on criminal law conversations // *Criminal law and philosophy*. 2015. Vol. 9. No. 2. P. 337-349. doi: 10.1007/s11572-013-9252-7
8. Garvey S.P. Canadian scholars on criminal responsibility // *Criminal law and philosophy*. 2015. Vol. 9. No. 2. P. 351-364. doi: 10.1007/s11572-013-9256-3
9. Husak D. Abetting a crime // *Law and philosophy*. 2014. Vol. 33. No. 1. P. 41-73. doi: 10.1007/s10982-013-9173-6
10. Kaye D. Archiving justice: conceptualizing the archives of the United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // *Archival science*. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 381-396. doi: 10.1007/s10502-014-9229-x
11. Lee Y. What is philosophy of criminal law? // *Criminal law and philosophy*. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 671-685. doi: 10.1007/s11572-013-9222-0
12. Malekian F. Consolidating the international criminal law of children // *Criminal law forum*. 2015. Vol. 26. No. 3. P. 569-593. doi: 10.1007/s10609-015-9265-0
13. Pagallo U. When morals ain't enough: robots, ethics, and the rules of the law // *Minds and machines*. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 625-638. doi: 10.1007/s11023-017-9418-5
14. Schabas W., Stahn C., Powderly J., Plesch D., Sattler S. The United Nations War Crimes Commission and the origins of international criminal justice // *Criminal law forum*. 2014. Vol. 25. No. 1. P. 1-7. doi: 10.1007/s10609-014-9220-5
15. Weigend T. Assuming that the defendant is not guilty: the presumption of innocence in the German system of criminal justice // *Criminal law and philosophy*. 2014. Vol. 8. No. 2. P. 285-299. doi: 10.1007/s11572-013-9271-4
16. Yankah E.N. Republican responsibility in criminal law // *Criminal law and philosophy*. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 457-475. doi: 10.1007/s11572-013-9283-0
17. Zedner L. Terrorizing criminal law // *Criminal law and philosophy*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 99-121. doi: 10.1007/s11572-012-9166-9

The possibility of forming international cooperation in the field of human rights protection

Natella A. Sinyaeva

PhD in Law, Docent, Senior Lecturer,
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
111033, 3/4 Volochaevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Sinnatal@hotmail.com

Abstract

In the 20th century, particularly after the end of the Second World War, the institution of individual liability for violations of international law developed rapidly. The article points out that solutions to armed conflicts and violations of the laws, customs and practices of war and the introduction of measures designed to destroy or limit the rights of ethnic or other minorities forced

the international community to take appropriate measures of counteraction and punishment over a long period of history. Consequently, in addition to the international legal liability of states for violating international law, there must be one more type of liability – the responsibility of an individual whose conduct caused the offences. The author of the article thinks that the role of international law in the prosecution of perpetrators of international crimes cannot be overemphasised. It not only ensures the proper qualification of the wrongful conduct of the individual bearer of the state's prerogatives, but also contributes to the initiation of the prosecution process. Consequently, the use of international justice not only helps to eliminate negative factors in the prosecution of an offender, but also forms a certain type of behaviour in international relations, in fact – an international standard with relevant legal consequences.

For citation

Sinyaeva N.A. (2018) Vozmozhnosti formirovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti zashchity prav cheloveka [The possibility of forming international cooperation in the field of human rights protection]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (5A), pp. 219-226.

Keywords

Natural person, liability, positions of law, international environment, offence.

References

1. Blakesley C.L. (1997) Atrocity and its prosecution: the ad hoc tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda. In: *The law of the war crimes*. London; Boston: Kluwer Law International, pp. 189-228.
2. Donoso A. (2015) Commentaries on criminal law conversations. *Criminal law and philosophy*, 9 (2), pp. 337-349. doi: 10.1007/s11572-013-9252-7
3. Garvey S.P. (2015) Canadian scholars on criminal responsibility. *Criminal law and philosophy*, 9 (2), pp. 351-364. doi: 10.1007/s11572-013-9256-3
4. Husak D. (2014) Abetting a crime. *Law and philosophy*, 33 (1), pp. 41-73. doi: 10.1007/s10982-013-9173-6
5. Kaye D. (2014) Archiving justice: conceptualizing the archives of the United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. *Archival science*, 14 (3), pp. 381-396. doi: 10.1007/s10502-014-9229-x
6. Lebedeva N.S. (1975) *Podgotovka Nyurnbergskogo protsesssa* [The preparation for the Nuremberg Trials]. Moscow: Nauka Publ.
7. Lee Y. (2014) What is philosophy of criminal law? *Criminal law and philosophy*, 8 (3), pp. 671-685. doi: 10.1007/s11572-013-9222-0
8. Malekian F. (2015) Consolidating the international criminal law of children. *Criminal law forum*, 26 (3), pp. 569-593. doi: 10.1007/s10609-015-9265-0
9. *Otvetsvennost' gosudarstv za mezhdunarodno-protivopravnye deyaniya: rezolyutsiya General'noi Assamblei OON ot 12.12.2001 № 56/83* [Responsibility of states for internationally wrongful acts: Resolution of the UN General Assembly No. 56/83 of December 12, 2001]. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/658/83/PDF/N0165883.pdf?OpenElement> [Accessed 23/03/18].
10. Pagallo U. (2017) When morals ain't enough: robots, ethics, and the rules of the law. *Minds and machines*, 27 (4), pp. 625-638. doi:10.1007/s11023-017-9418-5
11. Schabas W., Stahn C., Powderly J., Plesch D., Sattler S. (2014) The United Nations War Crimes Commission and the origins of international criminal justice. *Criminal law forum*, 25 (1), pp. 1-7. doi: 10.1007/s10609-014-9220-5
12. *Situatsiya v otmoshenii Ruandy. S/PV.3453* [The situation in Rwanda. S/PV.3453]. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3453> [Accessed 23/03/18].
13. *Uchrezhdenie Mezhdunarodnogo tribunala dlya sudebnogo presledovaniya lits, otvetstvennykh za ser'eznye narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava, sovershennyye na territorii byvshei Yugoslavii. S/PV.3175* [The establishment of an International Tribunal for the prosecution of persons responsible for serious violations of international humanitarian law committed in the territory of the Former Yugoslavia. S/PV.3175]. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3175> [Accessed 23/03/18].

14. *Uchrezhdenie Mezhdunarodnogo tribunala dlya sudebnogo presledovaniya lits, otvetstvennykh za ser'eznye narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava, sovershennye na territorii byvshei Yugoslavii. S/PV.3217* [The establishment of an International Tribunal for the prosecution of persons responsible for serious violations of international humanitarian law committed in the territory of the Former Yugoslavia. S/PV.3217]. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3217> [Accessed 23/03/18].
15. Weigend T. (2014) Assuming that the defendant is not guilty: the presumption of innocence in the German system of criminal justice. *Criminal law and philosophy*, 8 (2), pp. 285-299. doi: 10.1007/s11572-013-9271-4
16. Yankah E.N. (2015) Republican responsibility in criminal law. *Criminal law and philosophy*, 9 (3), pp. 457-475. doi: 10.1007/s11572-013-9283-0
17. Zedner L. (2014) Terrorizing criminal law. *Criminal law and philosophy*, 8 (1), pp. 99-121. doi: 10.1007/s11572-012-9166-9